

Страницы истории

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР 1938 ГОДА И ПРОБЛЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАНУН XXI ВЕКА

Л.Н. Анисимов*

60 лет назад разразилась вторая мировая война, в преддверии которой с политической карты Европы исчезло суверенное государство — Чехословацкая Республика.

В 1999 году, спустя шесть десятилетий, государства-участники НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки совершили агрессию против суверенной и никому не угрожающей Югославии. Отшвырнув ООН, растоптав ее Устав, Североатлантический блок возгласил на весь мир и на следующий век древний закон: кто имеет силу, тот и полностью прав. На глазах человечества уничтожалась прекрасная европейская страна, а цивилизованные правительства ряда государств цинично аплодировали этому. В их числе, наряду с другими странами, Франция и Великобритания, открывшие в 1938 году военно-политические шлюзы для агрессии против Чехословакии. Парадоксально, но факт, что позицию Североатлантического альянса разделила и поработенная в 1939 г.¹ Гитлером Чехия, умилявшаяся в 1999 г. бандитскими бомбардировками своего европейского соседа и оказавшаяся в одной упряжке с нынешней Германией.

Но надо полагать, что не только чехи и словаки, но и весь мир помнит трагедию ЧСР 1938 года. Что лежало тогда в основе “мюнхенской политики” западных держав, давно ясно даже тем, кто не посвящен в секреты дипломатии. Общеизвестно, что прямым шагом к развязыванию второй мировой войны явилось Мюнхенское соглашение, завершившее смутное время уступок агрессорам.

В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. правительства нацистской Германии, фашистской Италии, Великобритании и Франции подписали договор, по которому от Чехословакии была отторгнута и присоединена к Германии значительная жизненно важная территория.

Заключение Мюнхенского соглашения и проведение его в жизнь

---

*Профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ, академик Международной Академии информатизации. Более подробные сведения об авторе см. в № 2 нашего журнала за 1995 г.

означало не только грубое нарушение территориальной целостности Чехословакии, но и сознательное принесение в жертву ее политической независимости.

Мюнхенский сговор 1938 года и последовавшая затем ликвидация чехословацкого государства соответствовали масштабным агрессивным планам германского империализма. После прихода Гитлера к власти в январе 1933 года была разработана программа экспансионистских акций. Составной ее частью стал и план “Грюн”, целью которого было уничтожение в Европе Чехословакии как таковой. Менее чем за полгода страна была полностью поработана гитлеровской Германией.

Мюнхенский сговор подорвал обороноспособность Чехословакии и ее жизненные основы. Уже в первые дни октября 1938 года фашистская Германия захватила 28291 км² территории республики с населением свыше 3,8 миллиона. В совокупности с районами, отошедшими после Мюнхена к Польше и Венгрии, Чехословакия лишилась 29 процентов территории и 34 процента населения. Страна утратила 39,7 промышленного потенциала². Мюнхенский договор служил для Германии лишь “победоносной” альтернативой обстоятельно спланированной агрессии против Чехословакии, облегчившей реализацию первого этапа далеко идущих экспансионистских планов.

Капитулянтская “мюнхенская политика” находилась в резком противоречии с реальными возможностями противодействия гитлеровской агрессии.

Объективно необходимо отметить, что изначально президент ЧСР Э. Бенеш строил свою концепцию защиты республики на союзнических договорах, заключенных Чехословакией с Францией, со странами Малой Антанты — Югославией и Румынией — и с Советским Союзом. Он также рассчитывал на военную помощь Франции с учетом политического договора с этой страной. Однако в 1938 году союзнические отношения с Югославией и Румынией оказались фикцией. В частности, румынское правительство не только не собиралось помогать союзнику, но и заявило, что если помощь окажет СССР, то Румыния не позволит перебросить через свою территорию, включая воздушное пространство, советские войска и самолеты в Чехословакию.³

Не оправдались и расчеты президента Бенеша на военную помощь Франции, с которой имелся политический договор о взаимопомощи. Однако он не был своевременно дополнен соответствующими документами, уточняющими и конкретизирующими формы этой помощи. Французская сторона, особенно представители армии, воспринимали этот договор лишь как обязательство Чехословакии помочь Франции в случае, если на нее нападет Германия. Обратный вариант в расчет не принимался. К тому же политическая и военно-стратегическая близорукость, нерешительность французских правящих кругов привели в итоге к предательству своего чехословацкого союзника.

Не менее важное значение с международно-политической точки зрения имела для защиты Чехословакии в 1938 году и позиция английского правительства. Обязательство Великобритании, касающееся оказания помощи Чехословакии, вытекало из норм международного права, связанных с членством в Лиге Наций. Кроме того, оно было связано с

франко-британским союзом. В то же время политика невмешательства, предопределившая роль главы британского правительства Чемберлена в подготовке и осуществлении мюнхенского сговора, исключила возможность военной поддержки Чехословакии со стороны англичан.⁴

При этом подчеркнем, что 19 сентября 1938 года Великобритания и Франция предложили Чехословакии добровольно отказаться от районов с преимущественно немецким населением, с тем, что будет гарантирована неприкосновенность остающейся территории страны. 20 сентября чехословацкое правительство отвергло такое предложение.⁵ И уже ночью 21 сентября (1938 года) послы Франции и Великобритании явились к президенту Бенешу, которые, как он отмечает в своих воспоминаниях, провели с ним “исторический ультимативный разговор”. Он (разговор), по словам президента, “стал вступительным словом ко всей последовавшей затем катастрофе, затронувшей столько европейских государств, да, собственно, и весь мир”.⁶

Концепция коллективной обороны Чехословакии, которой руководствовался Бенеш, основывалась и на чехословацко-советском договоре 1935 года о взаимной помощи. Однако этот договор предусматривал, что Советский Союз поможет Чехословакии защищаться от нападения, если такую помощь окажет и Франция. Правительство СССР, тем не менее, в 1938 году заявило, что оно выполнит свои союзнические обязательства по оказанию помощи Чехословакии и в том случае, если Франция от своих обязательств откажется. Единственным условием в оказании помощи было то, чтобы Чехословакия защищалась от нападения, а ее правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой об оказании такой помощи. *Десять* раз советские руководители и печать публично заявляли, что Советский Союз выполнит свой долг; *шесть* раз давались заверения Франции, — *четыре* — Чехословакии и *три* раза Англии, не говоря о *четырнадцати* частных заверениях, предложениях о штабных переговорах и т.д.⁷ Однако западные державы отвергли советское предложение дать совместный отпор фашистской агрессии. Заклочив позорное Мюнхенское соглашение, западные “миротворцы” рассчитывали направить фашистскую экспансию на Восток, против Советского Союза.

Между тем, помощь со стороны СССР могла коренным образом изменить соотношение сил Чехословакии и Германии. Заметим, что Советский Союз на 1 января 1938 года располагал 96 стрелковыми дивизиями. В канун мобилизации чехословацкой армии, в сентябре 1938 года, к западной границе СССР были передислоцированы специальные группировки советских войск. В боевой готовности находилось 30 стрелковых и десять кавалерийских дивизий, 7 танковых, 1 мотострелковая и 12 авиационных бригад. Кроме того, в боевую готовность были приведены 7 укрепленных районов. Несколько авиационных соединений с боевыми самолетами численностью около 550 единиц были готовы вылететь в Чехословакию⁸.

Помощь со стороны Советского Союза могла стать решающим фактором коллективной обороны от гитлеровской агрессии, но она была отвергнута. Это, разумеется, открыло шлязы для реализации далеко идущего гитлеровского захватнического плана.

Как отмечает А. Ротштейн, Мюнхен был “заговором для агрессии”⁹. “Политика, проводившаяся с марта по сентябрь 1938 г., — подчеркивает автор, — хотя и имела элементы импровизации от этапа к этапу, но была в своей основе продолжением политики, проводимой с 1933 года и даже раньше”¹⁰.

Если основная стратегическая цель Мюнхена — стремление толкнуть Гитлера на Восток, развязать антисоветскую агрессию, то конкретная ближайшая цель — сделать Чехословакию “неспособной сопротивляться распространению германского политического и экономического влияния в Восточной Европе”¹¹.

Нынешние реалии на европейском континенте, связанные с агрессивным курсом НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки против Югославии, свидетельствуют далеко не о “внедрении” идеи об автономии косовских албанцев в многонациональной стране под дулами иноземных интервентов в качестве гарантов. Прежде всего, США не устраивает сближение России с Западной Европой, и они стали искать участок, где можно было бы столкнуть ее с государствами европейского континента. Таковым явилось Косово, и НАТО превращается из инструмента коллективной военной обороны в инструмент защиты *экономических* интересов *одной* из стран. И надо отдать должное американцам: тактический момент выбран удачно — у их европейских партнеров уже были намерения идти своим путем, объединить усилия с Россией, но не было *еще* нужной для этого базы и конкретного плана реализации своих идей. Кроме того, в планы США входило и входит неотвратимое желание возглавить мир после распада СССР и быть лидером планеты в XXI веке.

В апреле 1999 года лидеры 19 стран-участниц Североатлантического альянса утвердили на его юбилейной сессии в Вашингтоне “Новую стратегическую концепцию НАТО”, в соответствии, с которой они наделили себя “правом” вооруженного вмешательства во всем мире без соответствующих санкций Совета Безопасности ООН или ОБСЕ. Суперсаммит НАТО прошел под знаком экспансионизма этой военно-политической организации, ее расширения на Восток, то есть в сторону России.

Еще ранее, в ноябре 1998 года, эта позиция нашла свое закрепление на состоявшейся в Эдинбурге очередной сессии Североатлантической ассамблеи (САА) — своеобразного объединенного парламента НАТО, — в специальном докладе — концепции “НАТО в XXI веке”, представленном американской стороной.

Другое новшество — расширение сферы действия Североатлантического союза. Конкретно не указывается, какие территории попадают отныне в поле зрения натовских войск, но говорится вполне определенно, что альянс намерен дипломатическими и силовыми средствами защитить территории своих стран-членов и “общие ценности, и интересы”, в том числе за пределами своей зоны ответственности.

Что же касается ракетно-бомбового удара по суверенной Югославии, то они по заявлениям представителей альянса, нанесли в целях “предотвращения гуманитарной катастрофы на Балканах”. Фактически гуманитарная катастрофа произошла именно в Европе, отказавшейся не

только от самостоятельной геополитики, но и от собственных гуманитарных ценностей. За несколько часов одного дня бомбардировок Югославии — 24 марта 1999 года — эти “европейские нормы” подверглись девальвации под явным нажимом США, стремящихся на любом уровне не допустить объединения “бесконтрольной” Европы и реализовать свои сверхдержавные притязания.

Характер наносимых военных ударов по Югославии, масштабы причиненных ими разрушений-потерь, напрочь опровергают измышления “о предотвращении гуманитарной катастрофы” в этом регионе, а являются неопровержимым свидетельством посягательства на территориальную неприкосновенность и политическую независимость СРЮ, вмешательства в ее внутренние дела. При этом общеизвестно, что ни в одном международно-правовом акте не предусмотрена допустимость “гуманитарной интервенции”. Натовская военная акция невольно представляется как рецидив того, что получило печальное наименование и осуждение как мюнхенский диктат по отношению к Чехословакии осенью 1938 года.

К сожалению, в условиях безнаказанности агрессоров трагедия для народов Европы может повториться. Та, которая в свое время обозначилась в “Мюнхене”, как и натовские “операции” против Югославии в 1999 году — это не сработанный в спешке механизм, а тщательно спланированный сговор. “Предательство в отношении Чехословакии — пишет В. Фалин, — было не вынужденным, а сознательным актом, навеянным идеологическими мотивами и политикой силы”¹². Это определение подходит и к сегодняшней ситуации в Европе.

Содержание Мюнхенского соглашения и методы его заключения явились предметом справедливой критики со стороны многих исследователей уже как в 1938 г., так и позднее. Вместе с тем в стане реакции “Мюнхен” находил апологетическую оценку¹³. В частности, вскоре после окончания второй мировой войны реваншистские круги Западной Германии начали ссылаться на Мюнхенское соглашение для обоснования своих территориальных притязаний. Они взяли на вооружение пресловутую теорию некоторых западных юристов о том, что соглашение в момент его заключения было действительным¹⁴.

Такая точка зрения не соотнобразуется, во-первых, с фактическими обстоятельствами, которые имели место в период заключения Мюнхенского соглашения, во-вторых, с принципами и нормами международного права¹⁵.

В обоснование недействительности (ничтожности) Мюнхенского соглашения с точки зрения действовавшего в тот период международного права можно привести ряд аргументов¹⁶.

1. Соглашение противоречит основным принципам международного права. Мюнхенское соглашение затрагивало территориальную целостность Чехословакии (в пользу Германии была отторгнута жизненно важная часть пограничной территории страны, причем без прямого ее согласия). Это являлось грубейшим нарушением принципа суверенитета. Игнорировался и другой важнейший принцип международного права — принцип суверенного равенства. Чехословакия в переговорах в Мюнхене участия не принимала, их результаты ей были лишь сообщены.

Следовательно, она была поставлена в неравное по сравнению с другими “договаривающимися сторонами” положение, нарушалась свобода волеизъявления Чехословакии, что противоречило Парижскому пакту 1928 г., где зафиксирована необходимость мирного разрешения междуна-
народных споров.

2. *Соглашение противоречит обязательствам, возложенным на государства Статутом Лиги Наций и другими действовавшими в тот период договорами.* Во время заключения Мюнхенского соглашения Франция, Великобритания и Италия, так же как и Чехословакия, будучи членами Лиги Наций, были связаны ее Статутом. Ст. 10 последнего предписывала “беречь и защищать нынешнюю территориальную целостность и независимость всех членов Лиги Наций от любого внешнего вторжения”¹⁷. А в соответствии со ст. 20 государства-участники давали торжественное обязательство не заключать в будущем договоров, несовместимых со Статутом Лиги Наций.

Вопрос о возможных спорах между членами Лиги Наций и государствами, не входящими в нее, регулировался ст. 17 Статута, которая гласила, что государство, не входящее в Лигу, приглашается подчиняться обязательствам, лежащим на ее членах, в целях урегулирования спора на условиях, признанных Советом Лиги Наций справедливыми. Если государство откажется взять на себя упомянутые обязательства и прибегнет к войне, то против него можно использовать санкции в соответствии со ст. 16 Статута¹⁸.

Германия и Чехословакия, кроме того, были связаны арбитражным соглашением, заключенным в Локарно 16 октября 1925 г., в соответствии, с которым обе договаривающиеся стороны обязались решать все споры мирным путем. Причем в преамбуле соглашения говорилось, что “права государства не могут изменяться без его согласия, поскольку честное соблюдение методов мирного разрешения международных споров позволяет без насилия решать вопросы, которые могли бы поссорить государства”¹⁹.

Франция, помимо Парижского пакта и Статута Лиги Наций, была связана с Чехословакией еще и союзническими договорами: Договором от 25 января 1924 г. о союзе и дружбе и Договором о взаимных гарантиях, заключенным в Локарно 16 октября 1925 г.

3. *Соглашение навязано Чехословакии под угрозой агрессии.* Это положение доказано многочисленными документами и материалами, которые ныне широко известны²⁰. В частности, документы, взятые в качестве трофея в период войны, главным образом представленные Международному военному трибуналу в Нюрнберге, а также документы дипломатического характера, опубликованные в ряде стран, помогли полностью осветить подоплеку политики, приведшей к “Мюнхену”. Они содержат неопровержимое доказательство того, что со стороны гитлеровской Германии имела место явная угроза применения силы против Чехословакии.²¹

Нюрнбергский трибунал после окончания второй мировой войны подтвердил, что оккупация Чехословакии была продуманным шагом, которому отводилась значительная роль в экспансионистских планах нацистов. Начало второй мировой войны трибунал назвал заговором

против мира, преступлением. Составной частью этого заговора был мюнхенский диктат от 29 сентября 1939 года — один из серьезных актов, открывающий путь всемирному военному пожару.

Понуждение к заключению договоров при помощи силы или угрозы силой рассматривается международным правом как незаконный акт, а сами договоры как недействительные. Данное положение в настоящее время четко закреплено в ст. 52 Венской конвенции о праве международных договоров²². Ранее же оно было обычной нормой. Эта норма действовала и в период заключения Мюнхенского соглашения.

4. *Соглашение заключено с помощью обмана со стороны Германии.* На Нюрнбергском процессе было доказано, что Гитлер заключил Мюнхенское соглашение не для того, чтобы, как он утверждал, решить с чехословацким правительством спор, намеренно разжигаемый нацистским правительством с помощью немецкого меньшинства в Чехословакии, а исключительно для того, чтобы обеспечить себе выгодные условия для реализации следующего этапа преступного плана, направленного против мира.

С самого начала переговоров, как ныне известно, Гитлер вообще не собирался соблюдать заключенное соглашение²³. Оно было использовано им как ширма для захвата всех пограничных укреплений, что облегчило оккупацию остальной части страны 7 октября 1938 г. оккупация пограничной территории на основании Мюнхенского соглашения была закончена, и уже 21 октября, т.е. через две недели, Гитлер дал указание относительно того, как подготовить ликвидацию остальной части Чехословакии. Таким образом, налицо обман со стороны нацистского правительства²⁴. Нюрнбергский трибунал, говоря о недействительности Мюнхенского соглашения, имел в виду именно данное обстоятельство. В своем приговоре он констатировал, что Мюнхенское соглашение страдает дефектом воли, если и в период заключения соглашения Германия не собиралась осуществить его²⁵.

Действительность международного договора, как отмечает О.И. Тиунов, “является его (международного договора) качеством, определяющим рамки правомерного действия соглашения. Законно действие только такого договора, который действителен”²⁶.

5. *Соглашение заключено в нарушение чехословацких конституционных норм.* В соответствии с Чехословацкой Конституцией от 29 февраля 1920 г., действовавшей в период подписания Мюнхенского соглашения, правомочия заключать договоры, изменяющие государственную территорию, имел президент республики с согласия Национального Собрания. В ней сказано, что “территория Чехословацкой республики образует единое неделимое целое, границы которого могут изменяться только конституционным законом (ст.3, абз.1). Статья 33 Конституции закрепляла, что конституционный закон считается принятым, когда за него проголосовали 3/5 всех депутатов обеих палат Национального Собрания. Об этом порядке было информировано как британское, так и французское правительства. В частности, в ноте чехословацкого правительства от 20 сентября 1938 г. указывалось, что “в любом случае необходимо запросить мнение парламента”²⁷.

Однако из документов переговоров, предшествовавших Мюнхенско-

му соглашению и последовавших после него, ясно, что вел их президент Чехословакии Э. Бенеш совместно с представителями правительственной коалиции. Так называемые британо-французские предложения от 19 сентября 1938 г. были продиктованы правительству Чехословацкой республики²⁸. “Принятие” Мюнхенского “соглашения” также состоялось лишь от имени президента республики и правительства²⁹. Следовательно, ни в одном из указанных случаев не было дано согласие Национального Собрания.

Из мнения Чехословацкого правительства по поводу уже подписанного “соглашения”, сообщенного 30 сентября 1938 г. чехословацким министром иностранных дел французскому, британскому и итальянскому послам, ясно, что чехословацкое правительство считало его не действительным международным договором, а навязанным в результате диктата, которому оно вынуждено было подчиниться. Иного смысла не могли иметь слова о том, что “подчиняемся решению, которое было принято в Мюнхене без нас и против нас”³⁰.

Приведенные аргументы убедительно доказывают, что свободное волеизъявление Чехословакии, служащее необходимой предпосылкой возникновения действительного договора, при подписании Мюнхенского соглашения отсутствовало. Оно было сфабриковано без участия Чехословацкой Республики и против ее воли.

Историческая справедливость была восстановлена лишь после разгрома фашизма во второй мировой войне. При этом заметим, что с образованием двух немецких государств ЧССР неоднократно проявляла добрую волю и стремление нормализовать отношения с ФРГ³¹. Однако вплоть до конца 60-х годов тогдашние правительство ФРГ не давали официального ответа правительству ЧССР. Западногерманские правящие круги исходили из известной “доктрины Хальштейна”, согласно которой правительство ФРГ не устанавливало дипломатические отношения или разрывало их с теми государствами, которые устанавливали или поддерживали дипломатические отношения с ГДР, так как считало ФРГ единственным представителем немецкой нации.

Подписание и ратификация договоров между СССР, ПНР, ГДР с ФРГ и Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину от 3 сентября 1971 г. внесли в политическую ситуацию в Европе и во всем мире ряд новых позитивных моментов.

В Договоренности о намерениях сторон³², выработанной при подписании Договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г., сказано, что указанный договор и соответствующие договоры с ГДР, ПНР и ЧССР “представляют собой единое целое” (ст. 1). В ней также зафиксировано положение о том, “что вопросы, связанные с недействительностью Мюнхенского соглашения, будут урегулированы в переговорах между Федеративной Республикой Германии и Чехословацкой Социалистической Республикой в приемлемой для обеих сторон форме”. (ст. 4).

В ходе последующих сложных чехословацко-западногерманских переговоров, после того как правительство Западной Германии выразило готовность признать Мюнхенское соглашение недействительным, 11 декабря 1973 г. был подписан Договор о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ³³.

В преамбуле и ст.ст.1 и П Договора, которые, по мнению авторов, составляют единое целое³⁴, ФРГ признает в качестве одной из главных причин недействительности Мюнхенского соглашения угрозу силой, с помощью которой соглашение и было навязано Чехословакии. Отсюда общий вывод: положения Мюнхенского соглашения не имеют правовой силы, т.е. они ничтожны, как ничтожны и последствия соглашения. Речь идет о последствиях морально-политических и международно-правовых. В первом случае — это осуждение политики “Мюнхена”, ее мотивов, целей и последствий. Одновременно разрушен один из основных фундаментов реваншистской деятельности реакционных сил ФРГ. Подтверждение со стороны ФРГ ничтожности мюнхенского диктата имело положительное значение не только для двусторонних отношений между ЧССР и ФРГ, но и для общего развития международных отношений.

Международно-правовое последствие, вытекающее из ничтожности Мюнхенского соглашения, в том, что отторжение под угрозой силы значительной территории Чехословацкой республики с самого начала было незаконно и недействительно и что чехословацкая пограничная территория никогда не принадлежала германскому рейху.

Из ничтожности Мюнхенского соглашения вытекает недействительность всех актов, которые на его основе были навязаны Чехословакии либо опирались на него, включая и те, которые имели форму международного договора.³⁵ Судьбу Мюнхенского соглашения разделили также нормы, принятые чехословацким правительством с 30 сентября 1938 г. до освобождения Чехословакии³⁶.

Итак, ст.1 Договора о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ отражает чехословацкое требование о признании со стороны ФРГ недействительности Мюнхенского соглашения.

Этот договор явился важной вехой в укреплении системы европейской безопасности и сотрудничества, которые после долголетних усилий стали тогда реальностью.

За опыт Мюнхена 1938 года народы Чехословакии и Европы в целом заплатили дорогой ценой. Этот опыт и в настоящее время напоминает о необходимости беречь суверенитет и безопасность государств, строго соблюдать нормы и принципы международного права.

Сегодня, независимо от каких бы то ни было гуманитарно-политических доводов, которыми НАТО пытается оправдать свою силовую акцию против Югославии, она представляет собой в правовом отношении бесспорный факт агрессии, грубейшего нарушения Устава ООН, Хельсинкского Заключительного акта 1975 г., а также Основополагающего акта Россия — НАТО от 1997 года. “Основы правового миропорядка, — пишет А. Арбатов, — попораны в угоду политической ”целесообразности”, причем в односторонней трактовке Запада — спорной и воплощающей двойные стандарты”³⁷. В этих условиях оказался подорванным престиж и авторитет ООН и ОБСЕ — признанных легитимных организаций, призванных от имени международного сообщества содействовать обеспечению мира и безопасности. Между тем, действиями НАТО архитектуре европейской и мировой безопасности нанесен сильный удар.

Война, развязанная против Югославии, вызванная высокомерием мощи и ощущением безнаказанности, является прямым вызовом сложившемуся после второй мировой войны правопорядку, нормам и принципам международного права.

В то же время военная акция НАТО на Балканах сопровождалась перманентными усилиями придать ей видимость легитимности с точки зрения норм и принципов международного права, хотя вот уже несколько десятилетий общепризнанна противоправность такого рода применения силы по отношению к государству. Запрет на применение силы одним государством или группой государств против другого, кроме случаев законной самообороны в ответ на вооруженное нападение или участие в санкциях по решению Совета Безопасности ООН, носит характер императивной нормы международного права. Ее нарушение с точки зрения международного права квалифицируется как акт агрессии. В соответствии с Определением агрессии, принятым международным Сообществом на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 году, «агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций». К актам агрессии, согласно определению, относится, в частности, «бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государствами против территории другого государства». При этом в рассматриваемом определении агрессии подчеркивается, что никакие соображения политического, экономического, военного или любого иного характера не могут служить ее оправданием. Агрессия является международным преступлением и влечет за собой международную ответственность.

В действиях государств-участников НАТО по отношению к Югославии налицо состав преступления агрессии и нарушения принципа неприменения силы, предусмотренного пунктом 4 статьи 2 Устава ООН.

Агрессивные действия НАТО на Балканах вызвали самое острое и опасное противостояние между Москвой и Вашингтоном не только за период после окончания холодной войны, но, пожалуй, со времен Берлинского и Карибского кризиса начала 60-х годов.

Политические и военные руководители Североатлантического альянса в одночасье перечеркнули все конструктивное, что с огромными усилиями было достигнуто в сфере безопасности за последние десятилетия.

Военные акции НАТО против Югославии являются свидетельством перерождения этого союза из оборонительного в экспансионистский (не только в плане территориальных границ, но с точки зрения применения силы) с соответствующими вооруженными силами и оперативными планами наступательного характера. Данное важное обстоятельство позволяет говорить о том, что Североатлантический блок в настоящее время предстал как главная проблема для европейской безопасности, и также в качестве основного препятствия на пути сотрудничества России с Западом, включая Соединенные Штаты Америки.

При этом необходимо подчеркнуть, что наряду с последовательным торпедированием российских мирных инициатив по урегулированию косовского вопроса и стабилизации обстановки в Европе, США демонстративно заявили в тот же самый момент о намерениях принять в НАТО страны Балтии. 23 апреля 1999 года в канун 50-летия этого альянса и усиливавшихся бомбовых ударов против Югославии госсекретарь США Мадлен Олбрайт заявила, повторив неоднократно сказанное американскими официальными лицами самого высокого ранга, что Вашингтон “создаст крепкую основу для вступления” Латвии, Литвы и Эстонии в Североатлантический блок³⁸. Кстати, база для этого решения уже давно подготовлена Хартией партнерства в сфере безопасности, подписанной 16 января 1998 года между США и странами Балтии. Словом, Запад использовал максимум возможностей для усиления своего влияния в официально объявленных зонах особого интереса России.

Однако в этой связи нелишне напомнить следующее: при подписании основополагающего акта Россия — НАТО Москва довела до сведения руководства альянса, что расширение НАТО не должно затрагивать республики бывшего СССР, в том числе и страны Балтии. В противном случае Российская Федерация оставляет за собой право коренного пересмотра своей внешней политики, и в частности, курса на партнерские отношения со странами Североатлантического договора. В последующем границы балтийских государств были обозначены премьер-министром Е.А. Примаковым как “красная линия”, переходить которую блок не должен. “НАТО, — по уместному замечанию Д. Горностаева и В. Соколова, — перешла ее в другом месте, напад на Югославию. Теперь, в тот же момент, грозит нарушить этот своеобразный рубеж на главном направлении”³⁹.

Агрессия против Югославии после расширения НАТО, другие изменения в международной ситуации, положения России в мире, происшедшие за последние годы, требуют определенного осмысления и, возможно, координальной переориентации российской внешнеполитической и военной доктрины. При осуществлении усилий по поиску путей для укрепления европейского и международного мира России не помешало бы понимание того, что будущий миропорядок зависит, в том числе и от решения таких жизненно важных для нее вопросов, как перспективы интеграции в мировое хозяйство, судьба контроля над стратегическими вооружениями, будущее режимов нераспространения оружия массового уничтожения, договора о противоракетной обороне, вопросов укрепления национальной безопасности и благосостояния всех российских граждан.

---

¹ Вторжение немецко-фашистских войск на территорию Чехословакии произошло, как известно, 15 марта 1939 года.

² Новое время, 1988. — № 39. — С. 32.

³ Кстати, аналогичную позицию первоначально заняла Венгрия в связи с косовским конфликтом 1999 года. Румынский же парламент дал “зеленый свет” самолетам НАТО для неограниченного захода в воздушное пространство Румынии. При этом ее президент Эмиль КонстантINESКУ утверждает, что военная операция НАТО в Югославии не может рассматриваться как акт агрессии, поэтому

Румыния не нарушает двусторонний договор СРЮ о дружбе и добрососедстве от 1996 года, в котором стороны обязались не предоставлять свои территории третьим сторонам в случае совершения ими акта агрессии против одной из стран-подписантов.

⁴ Также о позиции участников мюнхенскогоговора см., например: *Несвадба Франтишек*. Сражение, проигранное без боя//Новое время. 1988. — № 39. — С. 31—32, *Фалин В.* Почему в 1939-м? Размышления о начале второй мировой войны//Новое время. 1987. — № 39. — С. 18—19; *Загладин В.* Заговор обреченных//Новое время. 1984. — № 43. — С. 17—18.

⁵ В последующем, как это общеизвестно, Бенеш капитулировал.

⁶ *Бенеш Эдуард*. Воспоминания о трагедии//Новое время. 1989. — № 11. — С. 39.

⁷ О подготовке мюнхенскогоговора см. например: *Майский И.М.* Кто помогал Гитлеру (Из воспоминаний советского посла). — М., 1962; *Матеев В.А.* Провал мюнхенской политики (1938—1939 гг.). — М., 1955; Мюнхен не повторится. — М., 1970; Мюнхенский гговор: история и современность (встреча историков). — “Международная жизнь”, 1969, № 11.

⁸ *Несвадба Франтишек*. Сражение, проигранное без боя. — С.32.

⁹ *Rothstein A.* The Munich Conspiracy. Lawrence and Wishart. — I., 1958, p. 271.

¹⁰ *Ibid.*, p. 79.

¹¹ *Ibid.*, p. 74.

¹² *Фалин В.* Почему в 1939-м? Размышления о начале второй мировой войны//Новое время. 1987. — № 39. — С. 18.

¹³ В 1939 г. профессор международного права *Квинси Райт* заявил, что упомянутое соглашение недействительно с самого начала (см.: “American Journal of International Law”, 1939, vol. 39, p. 12—32).

¹⁴ Например: *Raschhofer H.* Die Sudetenfrage vom ersten Weltkrieg bis zur Gegenwart. München, 1953: Milde de l'Accord de Munich. — “Bulletin de Droit Tchecoslovaque”, 1963, N 3, p. 151—168.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Pisk Z., Čech J.* Smlouva o vzajemných vztazích mezi Československou Socialistickou Republikou a Německou Spolkovou Republikou. — “Pravnic”, 1974, N 10, s. 913—918.

¹⁶ *Анисимов Л.Н., Мазуров В.К.* Недействительность (ничтожность) Мюнхенского соглашения//Правоведение. 1975 — # 5. — С. 82—85.

¹⁷ Подробней об этом см.: Гарантии безопасности по Статуту Лиги Наций, вып. 11. — М., 1937.

¹⁸ Следует сделать оговорку, что указанные положения в значительной степени носили формальный характер, поскольку Статут (в частности, ст. 12) допускал обращение к войне.

¹⁹ Цит. по: “Studie z mezinárodního práva”, 1969, N 13, s. 74.

²⁰ См., в частности: *Сипале В., Панкратова М.* Подготовка мюнхенского диктата. — “Международная жизнь”, 1973, № 3, 5, 6.

²¹ О ряде аспектов мюнхенскогоговора кроме упомянутых и иных известных публикациях см. также: Lectures on the History of Munich. Delivered at the International Conference on the occasion of the 20th anniversary of Minich. Prague. 1958.

²² Работа Комиссии международного права ООН. Нью-Йорк, 1963, с. 234.

²³ *Mnichov v dokumentech*, sv. 1, Praha, 1958, s. 30—34, 62, 98.

²⁴ В нынешних условиях в этой связи ст. 49 Венской конвенции о праве международных договоров гласит: “Если государство заключило договор под влиянием обманных действий другого участвовавшего в переговорах государства, то оно вправе ссылаться на обман, как на основание недействительности своего согласия на обязательность для него договора”.

²⁵ Judgment of International Military Tribunal of the Trial of German Major War

Criminals. Numberg, 30th September and 1-st October 1946. His Majesty's Statutory Office, Cmd., 1964, p. 21.

²⁶ Тунов О.И. О сущности и элементах структуры принципа "pacta sunt servanda" // Советский ежегодник международного права. 1975, — М., 1977. — С. 120.

²⁷ Mnichov v documentech, s. 149.

²⁸ Ibid, с. 169.

²⁹ Ibid, с. 275.

³⁰ Ibid.

³¹ Подробнее об этом см., например: Gotz J. Ke vztahum mezi CSSR a NSR. — "Nova myzel", 1973, N 10, s. 1322—1331.

³² Договоренность о намерениях сторон, в которой зафиксировано взаимопонимание между СССР и ФРГ по ряду вопросов европейской политики, выработана в ходе переговоров, предшествовавших заключению договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. (текст Договоренности см.: "Международная жизнь", 1973, № 2, с. 156—157).

³³ "Международная жизнь", 1974. — № 2. — С. 154—155.

³⁴ Pisk Z., Čech J. Op. cit., s. 916—921.

³⁵ Имеется в виду договор между Германией и Чехословакией о вопросах гражданства и оптации от 20 ноября 1938 г.

³⁶ См. ст. 1 Конституционного декрета Президента Республики от 3 августа 1944 г. "Об обновлении правопорядка", (см. об этом: Pisk Z., Čech J. Op. cit., s. 917).

³⁷ См.: Арбатов А. НАТО — главная проблема для европейской безопасности // Независимая газета. 1999, 16 апреля.

³⁸ См.: Независимая газета, 1999, 24 апреля.

³⁹ Там же.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 1999 г.

**Горячо поздравляем корреспондента
"Московского журнала международного права",
студентку IV курса МГИМО (У) МИД РФ**

**ИВЕТТУ ВЛАДИМИРОВНУ
ГЕРАСИМЧУК**

с получением Первой премии на Всемирном конкурсе эссе, который проводился берлинским журналом "Lettre International" и Веймаром—99 (культурным городом Европы этого года) в содружестве с Институтом имени Гете.

Нам это особенно приятно делать, поскольку ее эссе "Словарь ветров" оказалось лучшим среди 2281 работы из 123 стран всех континентов планеты.

Как только нам предоставится возможность, мы опубликуем эту работу на страницах нашего журнала.

Премия была вручена в торжественной обстановке в Веймаре 4 декабря 1999 года.